

ЖИЗНЬ НАРОДОВЪ РОССІИ

Л. Инфантьева

ЗЛАЯ КЕРЕМЕТЬ

Разсказъ изъ жизни чувашъ

ЧУВАШИ

ОЧЕРКЪ

Съ 6 рисунками

И. 5632

Издание книжнаго магазина П. В. ЛУКОВНИКОВА

Спб., Лештувовъ пер., 2

1911

ЗЛАЯ КЕРЕМЕТЬ

Разсказъ изъ жизни чувашъ.

I.

Быль конецъ сентября. Погода была сырая и пасмурная.

Среди густого, почти непроходимаго лѣса, съ начавшими уже желтѣть и опадать листьями, пробирались двѣ женщины, съ большими корзинами, наполненными грибами; одна изъ нихъ была уже дряхлая старуха, а другая—молодая, лѣтъ шестнадцати дѣвушка. День клонился къ вечеру, и обѣ грибницы торопились поскорѣе выйти изъ лѣсу, чтобы засвѣтло попасть домой; но онѣ скоро замѣтили, что, увлекшись собираніемъ грибовъ, зашли въ какую-то совершенно незнакомую имъ труппу. Кругомъ была густая чаща лѣса, и рѣшительно ничто не помогало сообразить, какого направленія слѣдуетъ держаться, чтобы выбраться, куда слѣдуетъ. Солнца изъ-за высокихъ деревьевъ нельзя было видѣть, но, судя по сгущающимся среди стволовъ деревьевъ сумеркамъ, можно было думать, что оно уже близко къ закату.

— Куда это, Анна, мы съ тобой забрались? Я что-то никакъ не могу припомнить этого мѣста. Вотъ уже сколько времени кружимъ-кружимъ, а все никакъ не выберемся на дорогу. Право, дѣвка, вѣдь мы съ тобой заблудились!—сказала старуха.

— Я тоже, бабушка Подене, никогда не бывала въ этомъ

---

*) Аръ-сюри—одинъ изъ второстепенныхъ чувашскихъ боговъ; онъ живетъ, по ихъ вѣрованіямъ, въ лѣсу и съ виду походитъ на стогъ сѣна, но съ огромными глазами.

мѣстѣ. Ахъ, хоть бы намъ засвѣтло выйти на дорогу, а то, право, я боюсь, уже не Аръ-сюри *) ли надъ нами подшутилъ и завелъ насъ въ эту трущобу, — замѣтила молодая дѣвушка.

— Чуръ, чуръ насъ! Въ лѣсу нельзя поминать его имя! — испуганно отвѣтила старуха, строго посмотрѣвъ на внучку.

Анна смутилась и ничего не сказала. Въ это время позади

Чуваши.

нихъ слышались чьи-то шаги. Обѣ грибницы вздрогнули и торопливо укрылись за ближайшій кустъ.

— Кто бы это могъ быть? — прошептала Подене: — звѣрь или человѣкъ?

Шаги приближались, и вконецъ подлѣ самаго того мѣста, гдѣ спрятались грибницы, торопливо прошелъ какой-то человѣкъ.

— Бабка, да знаешь ли ты, кто это прошелъ? — тихо прошептала внучка на ухо старухѣ, когда прохожій скрылся изъ виду.

— Ну, кто такой? — встревожилась та, видя испугъ на лицѣ дѣвушки.

— Семка, котораго вчера сѣгли въ волостномъ правленіи за кражу у Ёирки изъ амбара каравая хлѣба.

— Что ты, дѣвка! Неужто онъ?

— Онъ, бабушка, онъ. Только куда это онъ такъ торопится? И лицо у него такое блѣдное, а глаза дикіе, такъ и горять.

— Куда бы это онъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ итти?—въ раздумѣ произнесла старуха.—Навѣрное, домой, потому что куда же теперь можно итти, на ночь глядя?.. Значить, и намъ надо направиться въ ту же сторону!..—сообразила она.

Женщины вышли изъ кустовъ и направились слѣдомъ за Семкой.

— Непутевый онъ человѣкъ, этотъ Семка, — заговорила бабка:—отъ работы отбился, пьянствуетъ, и вонъ до чего дошелъ,—на воровство пустился!

— А только, кто его знаетъ, бабка, онъ ли еще укралъ каравай-то? Говорятъ, будто амбаръ у Ёирки не запирался, и, можетъ-быть, хлѣбъ собаки утащили!—усомнилась внучка.

— Ну, что ты, дѣвка, говоришь? Вѣдь Семку всенародно испытывали. Развѣ стали бы его наказывать, если бы онъ не обнаружилъ свою вину на испытаніи?

— Я, бабка, не видала, какъ его испытывали. Да всегда ли на этомъ испытаніи можно узнать правду?

— Какъ же не всегда? Это, моя милая, не шутка. Его заставили прежде всего перешагнуть черезъ зажженную съ обонхъ концовъ сухую липовую палку, вырубленную въ хаяръ-керемети*). И у него хватило отчаянности не только перешагнуть, но и произнести страшную клятву при этомъ. Онъ сказалъ: «Пусть я буду такъ же сухъ, какъ это дерево, если только я укралъ хлѣбъ у Ёирки!». И всѣ уже думали, что онъ на самомъ дѣлѣ не виноватъ, но потомъ, когда ему послѣ этой клятвы привелось припасть къ землѣ, выпить поставленную на землѣ чашку съ соленой водой, поцѣловать землю и съѣсть съ конца ножа круто посоленный кусокъ хлѣба, онъ тутъ себя и выдалъ: соленую-то воду онъ выпилъ, но только-что хотѣлъ поцѣловать землю, какъ

---

*) Кереметями у чувашъ называются злыя божества, а также мѣста жертвоприношеній этимъ божествамъ. Хаяръ-кереметь значить злая, свирѣпая кереметь.

туть же и закашлялся, и сейчас же всёмъ стало ясно, что онъ не только воръ, но и клятвопреступникъ. Ну, за это ему и всыпали...

— А все-таки, бабка, говорятъ, что онъ и послѣ этого наказанія кричалъ, что онъ не виноватъ, и что Кирка взвелъ на него напраслину по злобѣ,—вѣдь они давно уже съ нимъ враждуютъ.

— Ну, мало ли что онъ говорить! Знаю, не охота сознаться. Да вѣдь улика-то налицо: зачѣмъ закашлялся, коли былъ не виноватъ?

Грибницы замолчали и ускорили шаги.

II.

Между тѣмъ Семка шелъ вовсе не въ деревню. Безвинно наказанный своими однопоросенцами, униженный и оскорбленный, онъ рѣшилъ жестоко отомстить своему кровному врагу Киркѣ, взведшему на него напраслину: онъ задумалъ посредствомъ заклятій и молитвъ обрушить на его голову мщеніе самой Хаяръ-керемети, въ роцѣ которой была вырублена палка, на которой его заставляли клясться. И вотъ онъ теперь слѣшилъ къ этой керемети, находившейся въ самой глухой чащѣ лѣса, чтобы привести свой замыселъ въ исполненіе.

Такъ какъ для Хаяръ-керемети, по вѣрованію чувашъ, составляетъ истинное наслажденіе приносить людямъ всевозможныя бѣдствія и несчастія, то нѣтъ ничего легче, какъ кому-либо заставить ее покарать своего недруга, обрушить на его голову всевозможныя бѣды. Для этого не нужно даже приносить ей жертвы, а стоять только явиться въ ея кереметь и съ извѣстными заклинаньями попросить ее наказать и даже, если нужно, умертвить врага, — и она сейчасъ же рада все исполнить. Заклинатель своими молитвами распаляетъ ея гнѣвъ до такой степени, что она въ бѣшенномъ ослѣпленіи готова поразить всякаго, кто только попадется ей подъ-руку. И горе тому чувашенину, который оказался бы въ хаяръ-керемети или даже близъ нея въ то время, когда заклинатель вызываетъ ее.

Ужась, внушаемый ею, настолько силенъ, что только весьма немногіе осмѣливаются являться передъ нею для заклинанія и

на тотъ свѣтъ. Затѣмъ покойницу вынесли на дворъ, обмыли, облекли ее въ самое нарядное, праздничное платье, на голову надѣли шапку, на руки рукавицы, и положили въ гробъ. Затѣмъ засунули ей за щеки нѣсколько серебряныхъ монетъ, въ гробъ положили нѣсколько пшоловъ съ разными нитками, веретено, льну, шерсти, шелку, холста, — все это ей должно было пригодиться для перваго обзаведенія на томъ свѣтѣ. Кромѣ того, ея носъ, ротъ, уши и глаза заткнули шелкомъ. Это было сдѣлано для того, чтобы покойница на судѣ Сюльди-Тора могла оправдаться въ своихъ грѣхахъ невѣдѣніемъ и сказать, что она слышать не слышала, видѣть не видѣла, говорить не говорила и вообще не понимала и не сознавала всего того, что ей слѣдовало знать при жизни на землѣ о своихъ обязанностяхъ.

Когда гробъ послѣ отпѣванія въ церкви принесли на кладбище, родственники и провожавшіе стали прощаться съ покойной, поручая ей кланяться отъ нихъ прежде отошедшимъ роднымъ и знакомымъ. Затѣмъ могилу зарыли и поставили на ней два столба вышиною въ ростъ умершей, а къ нимъ прикрѣпили зажженные

Чувашка.

восковыя свѣчки въ честь ранѣ умершихъ родственниковъ и друзей, приглашая ихъ раздѣлить съ ними трапезу; послѣ этого начали ѣсть принесенные съ собою блины, лепешки, яйца и пить пиво, при чемъ каждый присутствующій, откусивъ трижды отъ блина, лепешки или яйца, остальное откладываетъ на могилу и, трижды отхлебнувъ изъ ковша пиво, остатки выливаетъ также на могилу.

По возвращеніи съ кладбища родные Подене отнесли на мазарки платье, въ которомъ умерла старуха, а также ея постель, посуду, изъ которой ее обмывали, и нѣкоторыя другія вещи, любимыя ею при жизни, чтобы она, по привычкѣ къ этимъ вещамъ, не возвратилась за ними домой.

Мазарками у чувашъ называются находящіяся неподалеку отъ кладбищъ особыя мѣста, назначаемыя для склада принадле-

Чувашки въ праздничной одеждѣ.

жащихъ покойнымъ вещей, дорогихъ имъ по соединеннымъ съ ними воспоминаніямъ. По вѣрованію чувашъ, умершіе любятъ посѣщать подобныя мѣста, а потому чуваша носятъ сюда, въ особенности въ дни поминовеній, хлѣбъ, лепешки и пиво для угощенія своихъ умершихъ родственниковъ и друзей.

Сходивъ по возвращеніи съ мазарокъ въ баню и перемѣнивъ одежду, родные Подене вечеромъ снова принялись за поминки и питье пива въ честь умершей бабушки.

Такия же поминки съ хожденіемъ на могилу повторились и на третій и на седьмой день послѣ смерти старой Подене.

Но въ особенности торжественныя поминки были устроены въ сороковой день. Этотъ день для родственниковъ умершихъ чувашъ является въ нѣкоторомъ родѣ днемъ розговѣнья и разрѣшенія на все: въ теченіе шести недѣль послѣ похоронъ имъ не дозволяется ни пѣть, ни плясать, ни забавляться музыкою, ни бить въ ладоши; родственницы не смѣютъ въ это время ни пряхъ шерсть, ни мыть бѣлье, ни надѣвать на себя праздничныя одежды и проч., —имъ дозволяется только стирать самыя обыкновенныя кушанья, ходить за скотомъ, пряхъ кудель. Всякое выраженіе довольства или веселоти въ это время считается предосудительнымъ. И только въ сороковой день послѣ похоронъ этотъ освященный стародавнимъ обыкновениемъ трауръ оканчивается. Съ этого дня чуваша уже могутъ и пѣть, и плясать, и веселиться, сколько и какъ угодно.

Рано поутру въ этотъ день дѣти умершей Подене пригласили юмсю, чтобы тотъ зарѣзалъ корову, которую покойная еще при жизни назначила для своихъ поминокъ. Женщины наготовили изъ мяса цѣлыя груды разныхъ кушаній и кромѣ того напекли блиновъ, лепешекъ, каши, запасли вина и пива. Половину этой провизіи оставили дома для ночного поминовенія, а съ другою половиною всѣ родственники, приглашенные гости и музыканты около полудня отправились на кладбище. Здѣсь прежде всего старшій сынъ покойницы взялъ кусокъ мяса отъ жертвенной коровы и, съ поклономъ подойдя къ могилѣ умершей, проговорилъ:

— Таву *), матушка!

— Таву!—повторили за нимъ всѣ пришедшіе.

Затѣмъ каждый изъ поминающихъ отдѣлилъ на могилу половину изъ доставшейся ему доли мяса и другихъ кушаній, а также вина и пива, проговоривъ при этомъ:

— Да будетъ это передъ тобою!

На могилѣ благодаря этому образовалась цѣлая гора разныхъ кушаній, смоченныхъ пивомъ и водкой. Выполнивъ эту церемонію, всѣ отошли отъ могилы на нѣсколько шаговъ и на-

---

*) Здравствуй.

чали выть и причитать, кланяясь на сѣверъ, выхваляя достоинства умершей и приглашая ее и другихъ умершихъ родственниковъ принять участіе въ ихъ трапезѣ. Въ это самое время цѣлая свора собакъ, нарочно приведенныхъ поминальщиками, набросилась на находившіяся на могилѣ кушанья и съ визгомъ и дракой начала уписывать куски лежавшихъ на могилѣ яствъ. Этотъ визгъ сочтенъ былъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ: это значило,

Мѣсто для жертвоприношеній
у чувашей.

что души покойниковъ вошли въ собакъ и лично явились на поминки, чтобы принять участіе въ трапезѣ вмѣстѣ съ живыми родственниками, и визгомъ собакъ выражаютъ свое удовольствіе.

Тотчасъ же причитанія и сѣтованія поминающихъ прекратились и перешли въ шумную радость и веселое лигованіе. Музыканты принялись за своедѣло: завыла волынка, зашѣла дудка, зазвучали струны гуслей. Пиво и вино полились рѣвкой, начались пѣсни, хлопанье въ ладоши и пляски вокругъ могилы. Плясали всѣ; отъ этой пляски не въ правѣ были отказываться даже

самые старые люди. И это веселье продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ запасы вина и пива, назначенные для кладбищенскихъ поминокъ, не были уничтожены.

Послѣ этого приглашенные родственники и друзья покойной отправились въ домъ умершей, а дѣти ея со своими семьями и музыкантами пошли на мазарки. Тамъ былъ вырытъ въ землю небольшой одноножный столикъ, на который поставили корыто съ пивомъ, блюдо съ кашей, положили небольшой кусокъ холста, чтобы умершей было чѣмъ утереться послѣ ѣды, и кинули собакамъ нѣсколько кусковъ хлѣба и мяса.

Послѣ этого заиграла музыка, и всѣ присутствующіе, ударяя въ ладоши, пустились плясать вокругъ стола.

Въ сумерки пляска окончилась, и поминальщики, низко откланявшись передъ столомъ на сѣверь и оставивъ чашку съ кашей и корыто съ пивомъ на мазаркахъ, возвратились домой.

Дома начались новыя церемоніи. У дверей подлѣ окна былъ поставленъ столъ съ назначенными для поминокъ кушаньями и напитками. Къ огню же въ память умершей прилѣпили зажженную восковую свѣчку. Всѣ ближайшіе родственники усѣлись за

Чуваши-язычники.

столъ по старшинству лѣтъ, оставивъ свободное мѣсто и для покойной. Во главѣ всѣхъ сидѣлъ престарѣлый братъ покойной Нягось, за нимъ ея сыновья съ женами и такъ далѣе, а замыкалъ рядъ маленькій правнукъ умершей—Юшка. Отвѣдавъ какого-либо кушанья или отпивъ пива, каждый поминающій отдѣлялъ и для умершей куски хлѣба и мяса, а также пиво и вино. Но вотъ престарѣлый Нягось, вставъ со своего мѣста и сдѣлавъ поклонъ по направленію незримо присутствовавшей покойницы, а также

поглотившись всёми сидѣвшимъ за столомъ, началъ плясать, ходя вокругъ стола и ударяя въ ладоши, въ тактъ музыкѣ. Сдѣлавъ полный кругъ, онъ сѣлъ на свое мѣсто, а за нимъ, соблюдая очередь, пустился въ плясъ старшій сынъ покойницы, потомъ его жена и т. д., пока очередь не дошла до маленькаго пятилѣтняго Юшки, который тоже, хлопая ручонками, обошелъ вокругъ стола. Когда всё такимъ образомъ продѣлали эту церемонію, снова началась очередь со стараго Нягося, и такимъ образомъ поминовение продолжалось всю ночь. Передъ утромъ столъ съ пивомъ и кушаньями для умершей вынесли на дворъ и поставили около крыльца. Снова вокругъ него началась пляска. Старый Нягось, уже пошатываясь изъ стороны въ сторону и еле волоча ноги, открывалъ кругъ; за нимъ слѣдовали по старшинству лѣтъ остальные. Всѣ были уже настолько пьяны, что еле стояли на ногахъ, но все-таки продолжали хлопать въ ладоши и топтать ногами. Наконецъ одинъ изъ поминальщиковъ упалъ на столъ и опрокинулъ его, и только тогда было объявлено, что покойница все съѣла и выпила и совершенно довольна сдѣланнымъ ей угощеніемъ, а потому пора итти спать.

Такъ справленъ былъ сороковой день по смерти старой Подене.

Но не одинъ еще разъ потомъ снилась покойница своимъ роднымъ, а это значило, по понятіямъ чувашъ, что она опять требуетъ себя поминокъ, и волей-неволей приходилось рѣзать телку или овцу и опять справлять поминки съ тѣми же самыми церемоніями и разгуломъ, какъ и въ сороковой день.

Какъ родные покойной, такъ и всѣ ея однодеревенцы были твердо убѣждены, что смерть ея послѣдовала оттого, что она попала подъ гнѣвную руку вызванной заклинаніями Семки и разъяренной Хаярь-керемети. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ этотъ гнѣвъ разразится также и надъ головой Кирки; но Кирка отдѣлался однимъ только страхомъ, и это было приписано тому, что онъ во-время успѣлъ задобрить Хаярь-кереметь, принеся ей въ жертву чернаго быка.

Виновникъ же всей этой передраги—Семка куда-то безслѣдно исчезъ. Говорили, будто онъ ушелъ на Волгу бурлачить.

Чуваши.

Чуваши живутъ главнымъ образомъ въ Казанской и Симбирской губерніяхъ, но встрѣчаются также въ Саратовской, Самарской, Уфимской и Оренбургской. Общая численность ихъ простирается до милліона душъ.

Происхожденіе чувашъ до сихъ поръ мало выяснено. Судя по языку, ихъ можно отнести къ тюрко-татарамъ, но другія расовыя особенности заставляютъ думать, что они происходятъ отъ какого-либо отатарившагося и позабывшаго свой родной языкъ угро-финскаго племени.

Есть много основаній полагать, что нынѣшніе чувашы—это потомки прежнихъ буртасовъ, жившихъ до татарскаго нашествія почти на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь живутъ чувашы, и представлявшихъ собою многочисленный торговый и, по тогдашнему времени, даже довольно образованный народъ. У нихъ въ то время были свои города, изъ которыхъ наиболѣе славилась Буртась, находившійся, по увѣренію нѣкоторыхъ ученыхъ, около нынѣшняго Саратова, и Сиваръ. По сказанію древнихъ писателей, буртасы уже въ то отдаленное время занимались главнымъ образомъ земледѣліемъ и зимою жили въ деревянныхъ домахъ, а на лѣто расходились по кочевьямъ.

До сихъ поръ среди чувашъ различаютъ два типа: финскій—блондины, съ русыми волосами, свѣтлой кожей, широкимъ лицомъ, широкимъ отверстіемъ для глазъ и широкимъ же носомъ, и другой типъ—монгольскій: брюнеты съ косыми узкими глазами, смуглой кожей и выдающимися скулами.

Въ настоящее время чувашы живутъ или крупными селеніями, или небольшими семьями, но почти всегда отдѣльно отъ другого, какъ русскаго, такъ и иноплеменнаго населенія. Всѣ чувашы исключительно земледѣльцы; скотоводство же, рыболовство, охота и пчеловодство служатъ имъ лишь подспорьемъ къ ихъ главному занятію.

Чувашскія деревни обыкновенно находятся въ глухихъ потаенныхъ лѣсныхъ мѣстахъ среди овраговъ или въ лощинахъ между горъ; строенія ихъ разбросаны безъ всякаго плана и порядка, такъ что заѣзжему человѣку, въ первый разъ попавшему въ ихъ деревню, очень трудно въ ней ориентироваться,—до того онѣ перепутаны разными улочками, закоулками и проѣздами между дворовъ. Первые насельники этихъ деревень съ намѣреніемъ старались хорониться отъ чужихъ глазъ и имѣли на это свои причины. Они были язычниками, тшательно оберегавшими свои вѣрованія, нравы и обычаи отъ чуждыхъ и непріязненныхъ имъ русскихъ, тѣмъ болѣе, что эти русскіе, въ лицѣ разныхъ крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ и приказныхъ тогдашняго времени, тѣснили, угнетали и вымогали у темныхъ, безотвѣтныхъ чувашъ все, что только было возможно. Однако время брало свое, и, несмотря на всѣ старанія уберечь свою вѣру и свои обычаи отъ вліянія чуждаго имъ христіанства, это послѣднее все-таки къ нимъ проникало. Частью убѣждаемые православными миссіонерами, частью соблазняемые разными льготами и матеріальными выгодами, а иногда и просто подъ давленіемъ начальства, чуваша мало-по-малу переходили въ православіе и наконецъ сдѣлались если не убѣжденными христіанами, то по крайней мѣрѣ на бумагѣ стали считаться таковыми.

Дома въ чувашской деревнѣ значительно отличаются отъ домовъ русскихъ крестьянъ. Большая ихъ часть строится дѣрями на востокъ, куда чуваша въ своихъ языческихъ молитвахъ обращаются къ богамъ. Сѣней у домовъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ по правую сторону отъ двери устанавливаются такъ называемые булдыры—чуланчики. Съ лѣвой же стороны отъ двери устраивается волоковое оконце, къ которому во время поминокъ усопшихъ и другихъ религіозныхъ церемоній прилѣпляются восковыя свѣчи. По южной и западной стѣнѣ тянутся сагане—широкія нары, служащія лавками и постелями. На сѣверной сторонѣ устраивается битая изъ глины кумагга—печь съ выдающимся, значительно углубленнымъ очагомъ, на которомъ обыкновенно варится яшка—любимая чувашами каша. На той же сторонѣ—волоковое окно для выпуска дыма. Въ южной стѣнѣ, недалеко отъ кіота съ иконою—большое окно съ рамою, въ которомъ по большей части, вмѣсто стеколъ, вставляются бычьи пузыри.

За домомъ находятся кадры—скотные дворы. На юго-восточной сторонѣ дома ставятся амбары, иногда двухъэтажные. Тотчасъ же за деревней начинаются поля и пашни, а немного подалѣе тянутся густые, темные лѣса.

Какъ исконные землеробы, чуваша издавна были трудолюбивымъ, прилежнымъ и запасливымъ народомъ. И хлѣба, и скота, и пива, и меду у нихъ всегда бываетъ, или, по крайней мѣрѣ, бывало рѣже, въ изобиліи. Они всегда были далеко запасливѣ русскихъ крестьянъ. Совершенныхъ бѣдняковъ, нищихъ, у нихъ даже и теперь почти не встрѣчается. Правда, одѣваются они не щеголевато, но это происходитъ не отъ недостатка, на что завести хорошую одежду, — напротивъ, каждый имѣть для этого полную возможность и желалъ бы придѣться какъ слѣдуетъ и, вмѣсто лаптей, завести сапоги съ морозомъ (со скрипомъ), но это значило бы обратить вниманіе на свою зажиточность кого не слѣдуетъ, а чуваша, издавна наученные горькимъ опытомъ, стараются скрывать свое богатство отъ алчности русскихъ, въ каждомъ изъ которыхъ они почти и до сихъ поръ видятъ или чиновника, или приказнаго. Они привыкли плохо одѣваться по той же причинѣ, по которой старались когда-то селиться въ оврагахъ и другихъ укромныхъ мѣстахъ.

Въ настоящее время, какъ мы сказали, чуваша считаются христианами, но это ихъ христіанство прекрасно уживается съ ихъ древними языческими вѣрованіями, и православныя иконы, напримѣръ, по ихъ понятіямъ, изображаютъ не того или другого христіанскаго святого, а добрыхъ или злыхъ чувашскихъ духовъ, которыхъ нужно умилостивлять молитвами, свѣчами и проч.

Прежняя языческая вѣра чувашъ была такова. До сотворенія челоуѣка были одни только боги, изъ которыхъ главныхъ было два: Сюльди-Тора—богъ добра и свѣта, жившій со своею женою на небесахъ, и Шайтанъ—богъ зла и тьмы, пребывавшій въ безднѣ мрака. Въ распоряженіи этихъ двухъ главныхъ боговъ было много второстепенныхъ, имъ подчиненныхъ. Такъ, у Сюльди-Тора главнѣйшими помощниками были: Сюдь-Тунзы-Тора, посылающій на землю свѣтъ и тепло; Чокъ-Сіораданъ-Тора, дающій новорожденнымъ младенцамъ души; Аслаадій-тора—богъ грома и молніи, и много другихъ. Главнѣйшіе же изъ помощниковъ Шайтана: Есрель—богъ смерти; Аръ-Сюри—лѣсной богъ, поражающій людей разными болѣзнями; Ирихъ, насылающій на людей разныя кожныя болѣзни: чирьи, коросту, болѣзни глазъ и т. п.; Ййе—не столько злой, сколько озорной богъ, любящій подшутить надъ челоуѣкомъ злыми шутками, но въ то же время и умножающій богатство того хозяина, который его чтитъ и приноситъ ему жертвы, и проч.

Но самый страшный изъ чувашскихъ боговъ—это Кереметь, о которомъ у чувашъ существуетъ слѣдующая легенда.

Кереметь былъ когда-то первенцемъ самого Сюльди-Тора, жилъ

вмѣстѣ съ нимъ на небесахъ и былъ добрымъ богомъ. Это было давно-давно, еще въ то время, когда люди были не такими, какъ теперь. Они были сначала созданы Сьюлди-Торой слабыми, безобразными несмышленишами, ходили на четверенькахъ, питались травой и были беззащитны отъ дикихъ звѣрей и непогоды. Но потомъ Сьюлди-Тора сжалился надъ ними, и, по его приказанію, богъ Чанъ-Сиораданъ-Тора создалъ цѣлую тьму человѣческихъ душъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ соединилъ съ жившими уже на землѣ людьми, а другихъ оставилъ въ райской обители для дѣтей и потомковъ первыхъ людей. И вотъ, когда созданная этимъ богомъ душа соединялась съ человѣкомъ, онъ дѣлался умнымъ, начиналъ ходить на ногахъ, укрощать дикихъ жпвотныхъ, питаться ихъ мясомъ, владѣть землею и всѣмъ, что на ней находится. Вскорѣ послѣ этого люди сдѣлались владыками земли и всего на ней существующаго. Земля въ изобиліи родила имъ всякаго рода хлѣба и плоды, не требуя отъ человѣка ни удобренія, ни воздѣлыванія, ни ухода за нею. Скота было въ изобиліи, имущество у всѣхъ было равное, и люди не знали ни тяжелой работы, ни нужды, ни горя, ни заботъ, ни болѣзней. И всѣ эти блага сыпалъ на нихъ перенецъ Сьюлди-Тора—Кереметь. Онъ постоянно развѣзжалъ по землѣ въ пышной колесницѣ, запряженной бѣлыми конями, и всюду приносилъ съ собою плодородіе, обиліе благъ земныхъ, довольство, счастье. Но этому блаженству людей позавидовалъ Шайтанъ, и началъ онъ ихъ соблазнять на худыя дѣла. И они послушались его, стали лѣниться и возгордились; отъ бездѣлья у нихъ появились пьянство и ожорство, а въ пьяномъ видѣ они стали заводить между собою драки ссоры и вражду. Каждый хотѣлъ быть больше другого, властвовать надъ другими. Наконецъ, отуманенные гордостью и подстрекаемые Шайтаномъ, они совершили страшное злодѣйство—убили своего благодѣтеля Керемета, а чтобы скрыть отъ Сьюлди-Тора свое преступленіе, они сожгли тѣло его убитаго сына и прахъ развѣяли по вѣтру. И вотъ тамъ, гдѣ палъ на землю этотъ прахъ, выросли деревья, а съ ними возродился и Кереметь, но уже не одинъ, а множество враждебныхъ человѣку злыхъ боговъ. Такъ произошло множество кереметей, которые сдѣлались уже привязанными къ землѣ и лишились возможности жить на небѣ въ сообществѣ съ добрыми богами. Число ихъ потомъ увеличилось еще болѣе, когда они переженились и произвели многочисленное потомство. Съ тѣхъ поръ озлобленные керемети стали мстить людямъ за свое убіеніе и за потерю права на небесное жилище. Они стали поражать людей всякими бѣдами и страданіями, и если бы только люди не умили-

вляли ихъ жертвоприношеніями, то уже давно были бы стерты съ лица земли.

Поэтому всякій разъ, когда устраивается какая-либо новая деревня, нѣкоторые изъ кереметей поселяются также неподалеку отъ нея на новыхъ мѣстахъ, но эти мѣста можетъ открыть только по особому указанію—по пророческому ли сновидѣнію, или другимъ какимъ-либо чудеснымъ способомъ—или іомся (жрецъ), или какой-либо старый человѣкъ. Вотъ почему возлѣ каждой чувашской деревни обязательно есть своя кереметь, а то и нѣсколько. Главныхъ же кереметей, какъ и главныхъ боговъ, тоже нѣсколько, и всѣ они носятъ свое особое названіе. Есть большая кереметь, средняя, малая, серебряная и много другихъ; но самая страшная изъ нихъ—это Хаарь-кереметь. Она самая свирѣпая, самая грозная, и бѣда тому чувашенину, который вызоветъ на свою голову ея гнѣвъ.

Мѣста жертвоприношеній кереметямъ, называемыя тоже кереметями, обыкновенно представляютъ изъ себя большую, въ нѣсколько десятковъ сажень длины и ширины, четырехугольную площадь, огороженную заборомъ въ ростъ человѣка. Въ нее ведутъ трое воротъ: съ востока, съ запада и съ сѣвера. Въ сѣверныя ворота проносится необходимая при жертвоприношеніяхъ вода, въ западныя входятъ и выходятъ молящіеся, а въ восточныя проводятъ только жертвенныхъ животныхъ, достоинство которыхъ прежде всего испытывается водой: эту воду льютъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока своимъ трепетаніемъ они не доказываютъ, что угодны керемети. Если же животное не вздрагиваетъ, то мясо его считается негоднымъ для жертвоприношенія. Вздрагивающее животное тотчасъ же закалываютъ, снимаютъ съ него шкуру, отдѣляютъ голову и внутренности отъ жертвеннаго мяса, а послѣднее разрѣзаютъ на столько кусковъ, сколько молящихся. Омывъ затѣмъ эти части водой, іомся отнести ихъ на жертвенникъ, представляющій собою столъ, сажени полторы въ длину и аршина полтора въ ширину. Этотъ жертвенникъ стоитъ вправо отъ западныхъ воротъ, саженяхъ въ шести отъ забора. По обѣимъ его сторонамъ врыто по два столба съ перекладинами, на которыя вѣшаются котлы съ мясомъ жертвенныхъ животныхъ. Эти перекладины посредствомъ особыхъ отводникъ соединяются съ навѣсомъ, находящимся надъ жертвенникомъ. По вѣрованію чувашъ, во время моленій на жертвенникѣ присутствуетъ сама кереметь, а на отводникахъ—ея семейство. Когда дымъ отъ горящихъ подъ котлами дровъ сгущается около жертвенника, начинается моленіе. Положивъ шапки подъ лѣвую руку, чуваша становятся въ нѣсколько рядовъ около жертвенника и съ частыми покло-

нами начинают молить кереметя-отца, кереметь-мать, дѣтей керемети и прочихъ злыхъ духовъ о помилованіи, объ избавленіи отъ горя, болѣзней и «сухой бѣды», т.-е. отъ возможности ни за что ни про что попасть подъ судъ, запутаться въ какомъ-либо судебномъ слѣдствіи, чего чуваша боятся больше всего на свѣтѣ. Молитвы обыкновенно провозглашаетъ іомся, а народъ повторяетъ ихъ за нимъ. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока мясо въ котлахъ не уваривается. Когда же оно сдѣлается готовымъ, іомся раздаетъ куски молящимся, которые уходятъ съ ними подъ навѣсъ, тянущійся вдоль западнаго забора. Здѣсь, сидя на скамейкахъ и обратясь лицомъ къ востоку, они ѣдятъ жертвенное мясо, а остатки его уносятъ домой. Головные и ножныя кости, а также шкуры жертвенныхъ животныхъ послѣ трапезы развѣшиваются на растущихъ въ керемети деревьяхъ; на этихъ же деревьяхъ дѣвушки, выходящія замужъ, вѣшаютъ по аршину вытканнаго ими холста. Если въ керемети есть дуплистое дерево, туда молящіеся опускаютъ жертвенныя деньги, смотря по достатку. Все имущество, находящееся въ керемети, считается священнымъ и неприкосновеннымъ: ни лѣсу рубить, ни траву косить, ни звѣрей бить въ немъ не дозволяется. Охранять это имущество нѣтъ никакой надобности, потому что кереметь, а въ особенности Хаяръ-кереметь, считается такимъ лютымъ, свирѣпымъ и грознымъ божествомъ, что всякій спѣшитъ въ обычное время обходить какъ можно дальше ея строенія, а не то что заглядывать въ нихъ.

За убійство своего сына, говоритъ та же легенда, Сюльди-Тора разсѣялъ людей по всей землѣ и поручилъ одному изъ своихъ старшихъ помощниковъ, богу Кебе, назначить каждому человѣку его жребій. Съ тѣхъ поръ и явилось среди людей различіе состояній, племенъ и языковъ. А языковъ было придумано семьдесятъ семь самимъ Сюльди-Торой. И вотъ послѣ того Кебе всякій разъ при рожденіи ребенка назначаетъ ему счастливую или несчастную долю, а Пюлюхси и Пигамбаръ приводятъ въ исполненіе это назначеніе.

Для того, чтобы водворить между людьми спокойствіе, порядокъ и благоустройство, Сюльди-Тора поставилъ надъ ними Сирди-Падшу—земного царя, наказавъ ему творить среди людей судъ и праву. Когда же всѣ люди сдѣлаются снова добродѣтельными, то для нихъ опять настанетъ на землѣ райская, блаженная жизнь. Добродѣтель же состоитъ въ почитаніи боговъ и принесеніи имъ жертвъ, въ исполненіи повелѣній Сирди-Падши, въ уваженіи старшихъ, особенно іомсей, въ любви къ равнымъ, въ снисходительности къ низ-

шимъ, въ довольствѣ своимъ жребіемъ, въ неприсвоеніи себѣ ничего чужого, въ трудолюбіи и гостепріимствѣ.

Всѣ добродѣтельные люди послѣ своей смерти будутъ поселены въ мамыкъ-сирѣ—въ свѣтлой, плодородной странѣ; тамъ у нихъ будутъ красивые дома, а хлѣба, разнаго скота, денегъ, товаровъ, нарядной одежды, вина и пива будетъ въ изобиліи, и всю свою нескончаемую жизнь они будутъ проводить въ радости, весельѣ и пирахъ. Грѣшнымъ же людямъ будетъ на томъ свѣтѣ голодно, холодно и тяжело. Ихъ отведутъ въ мамыкъ-хоранъ—въ темную бездну, гдѣ они напрасно будутъ стараться выстроить себѣ дома, воздѣлать землю, обзавестись хозяйствомъ: ни въ чемъ имъ не будетъ удачи, и они вѣчно будутъ бѣдствовать, вѣчно будутъ мучиться отъ голода, жажды и скитаться во мракѣ и холодѣ.

Но и добрые люди, хотя и живутъ на томъ свѣтѣ счастливо и въ довольствѣ, однако всегда не прочь съ удовольствіемъ попить на праздникахъ, устраиваемыхъ въ ихъ честь оставшимися на землѣ родными и пріятелями. Злымъ же мертвецамъ, не попавшимъ вмѣстѣ съ праведниками въ мамыкъ-сирѣ, еще больше причинъ присутствовать на этихъ поминкахъ: въ аду имъ ѣсть нечего, тамъ они голодаютъ и питаются только тѣмъ, что имъ удастся урвать на поминкахъ, устраиваемыхъ на землѣ въ ихъ память родными. А кромѣ того, чуваши убѣждены, что животныя, съѣдаемыя ими на поминкахъ, переходятъ на тотъ свѣтъ и дѣлаются тамъ достояніемъ тѣхъ умершихъ чувашъ, въ память которыхъ животное съѣдено.

Вотъ почему поминки по умершимъ у чувашъ въ большомъ распространеніи, и ни одинъ чувашенинъ, будь онъ самый бѣдный, никогда не пропуститъ случая помянуть съ подобающей выпивкой и закуской своихъ умершихъ родственниковъ.

Въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова,

С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., № 2,

продаются, между прочими, слѣдующія книги:

Сочиненія В. П. АВЕНАРИУСА

(звѣздочкой отмѣчены книги, допущенныя въ ученическія бібліотеки и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни).

НОВЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

***Молодость славнаго русскаго хирурга и педагога Н. И. Пирогова.** Біографическая повѣсть для юношества. Съ 8 отдѣльными рисунками и портретами. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ кол. пер. 1 р. 60 к.

***Первый русскій изобрѣтатель И. П. Кулибинъ.** Съ 8 портретами и рисунками. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к., въ коленк. перепл. 1 р.

***Н. В. Гоголь.** Біографическій очеркъ. Съ портретомъ и 4 рисунками. Ц. 10 к.

***А. С. Пушкинъ.** Біографич. очеркъ. Съ портретомъ и 8 рисунками. Ц. 15 к.

***Дѣтскія сказки.** Изд. 5-е, съ 8 отдѣльн. рис. и многими другими въ текстѣ Н. Н. Каразина и др. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р.

***Сказка о муравьѣ-богатырѣ.** Разсказъ для дѣтей. Съ рисунок. Н. Н. Каразина. 6-е изд. Ц. 50 к.

Молодильная яблоки. Сказка-поэма. Съ рисунок. Ц. 10 к.

***Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній.** Десять автобиографическихъ разсказовъ. Съ портретомъ автора и отдѣльными рисунками Н. Загорскаго и Т. Никитина. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ коленк. пер. 2 р. 25 к.

***Васильки и колосья.** Разсказы и очерки для юношества. Съ 2 рис. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. переплетѣ 2 р.

***Дѣтскіе годы Моцарта.** Біографическій очеркъ (По Гериберту Рау). Съ портретомъ Моцарта и др. картинками. Ц. 20 к.

***Меньшой потѣшный.** Историч. повѣсть изъ молодости Петра Великаго. Изд. 4-е. Съ портр. кн. А. Д. Меньшикова и 7 рис. Ц. 40 к.

***Во львиной пасти.** Историч. повѣсть для юношества изъ эпохи основанія Петербурга. Съ 19 рисунками Р. Штейна и снимкомъ съ современной гравюры. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ коленкор. переплетѣ 2 р. 50 к.

***Отроческіе годы Пушкина.** Біографич. повѣсть. Изд. 6-е. Съ 8-ю рис. и портретомъ Пушкина. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. переплетѣ 2 р.

***Юношескіе годы Пушкина.** Біографич. повѣсть. Изд. 4-е. Съ 6-ю портретами и 3 рис. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ коленкор. переплетѣ 2 р. 50 к.

***Гоголь-гимназистъ.** Первая повѣсть изъ біографической трилогіи „Ученическіе годы Гоголя“. Изд. 7-е. Съ 11 портрет. и видами Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. перепл. 2 р.